

Глава 15. Поплачь.

Снег повалил сильнее — и это было кстати.

Е Байлан как раз искал предлог. Он мог бы сказать, что склонился лишь потому, что заметил, как от ледяного ветра у Ци Цзю инеем заиндевели ресницы. Или что наглые снежинки кружат вокруг них слишком настойчиво, а тая, превращаются в холодную воду... А переохлаждение опасно, это не шутки.

Снег коварен и в любой миг может пойти в атаку, так что лучше нанести упреждающий удар.

Всё равно Ци Цзю видит плохо, так что можно нести любую околесицу.

Байлан опустил взгляд и уперся руками в подлокотники кресла, не давая мужчине ускользнуть. Позволяя мыслям путаться в голове, он с дерзкой отвагой приник к лицу Ци Цзю — одновременно с порывом колючего ветра он прикусил кончик его носа.

Среди бледного безмолвия зимы их дыхание смешалось. Байлан дышал часто и тяжело; обжигающий воздух вырывался из груди судорожными толчками, словно чья-то рука с силой сжала его сердце, выплескивая наружу горячую кровь.

Байлан сковал Ци Цзю в своих руках, касаясь губами ледяной от мороза кожи. Снежинка попала в горло, заставив его зажмуриться от кашля. Было слишком холодно: Байлан дрожал всем телом, и даже зубы его выбивали дробь.

То, что он будет вспоминать десятки тысяч раз, на деле длилось лишь краткое мгновение.

Е Байлан медленно отстранился, запечатлевая в памяти каждую деталь. В голове уже зрел список оправданий: семь основных предлогов, разбитых на двадцать один уточняющий повод — Ци Цзю мог выбирать любой на вкус. Как только дыхание восстановится, он всё по порядку объяснит.

«Как же трудно его растить... Чтобы разок укусить, приходится сочинять целые трактаты».

«Ну почему этот лжец такой капризный, такой невыносимый, такой деспотичный... и такой непрошибаемо, до мозга костей "прямой"».

Байлан усмехнулся про себя и поднял взгляд. Он уже готов был начать свою покаянную речь, но, разглядев лицо Ци Цзю, осекся.

Может, он ошибся? Или просто не так понял?

Ци Цзю, кажется, вовсе не ждал объяснений. Конечно, он был потрясен — именно так, как и ожидал Байлан. Шок был настолько глубоким, что мужчина попросту оцепенел.

Байлан позволил себе эту дерзость отчасти потому, что Ци Цзю был слишком слаб, но больше потому, что тот буквально окаменел. Байлан догадывался: в те секунды, пока он не отстранялся, в голове Ци Цзю крутились мысли вроде: «И кто же учит детей повторять всё за взрослыми?» и «Неужели беготня в собачьей упряжке в метель превращает людей в волков?»

Однако оцепенение быстро сошло с лица Ци Цзю, уступив место серьезности и глубокой задумчивости.

Эти тусклые, но всё еще теплые янтарные глаза, хоть и потеряли фокус, всё же безошибочно отыскивали его. Ци Цзю медленно нахмурился, стянул зубами перчатку с правой руки и коснулся ладонью лица Байлана, ставшего от холода бесчувственным.

— Отчего тебе так горько? — Ци Цзю погладил его по щеке, затем коснулся мочки уха. Тепло его ладони, казалось, просачивалось сквозь онемевшую плоть в самую душу. — Е Байлан.

Мужчина чуть надавил ему на загривок, и Байлан, лишившись сил, послушно упал в расставленные для него сети.

Тенета, из которых нет выхода.

Байлан опомнился, попытался слабо высвободиться, но Ци Цзю лишь крепче обнял его, мерно похлопывая по спине. Откинувшись на спинку кресла, он продолжал это неспешное движение — удар за ударом, в такт биению сердца.

— Стало полегче? — Ци Цзю коснулся его подбородка голой рукой, слегка сжал исхудавшую щеку. Пальцы мужчины случайно задели дрожащие ресницы Байлана. — И что за нрав такой... Подумаешь, поддразнил тебя пару раз. Что мне сделать, чтобы ты успокоился? Дать укусить еще раз?

Ци Цзю продолжал гладить его по спине, пропуская короткие пряди волос сквозь пальцы, словно умиряя дикого зверя.

— Почему же тебе так плохо...

Байлан потерянно прижался к креслу. Он неосознанно льнул к Ци Цзю, но, боясь, что тот замерзнет, перехватил его ладонь и спрятал её у себя на груди.

Он не считал, что ему плохо. Напротив, он кусал Ци Цзю со всей серьезностью — этот момент стоил того, чтобы потом вспоминать его по крупицам, смакуя детали десять тысяч раз. А со всеми подробностями ценность воспоминания только возрастет — его хватит и на миллион повторов.

Байлан чувствовал, что снова теряет рассудок. Он не мог подавить жгучую ревность к тому белому волчонку, о котором рассказывал Ци Цзю. Когда тот зверь кусал его, неужели Ци Цзю так же обнимал его среди снегов, ласково похлопывал по спине и утешал добрым словом?

Тогда Ци Цзю наверняка был здоров. Неужели он мог запросто поднять волчонка, посадить себе на голову... или спрятать за пазуху и бродить так по лесу, напевая вполголоса старые песни?

Почему тому зверю так повезло встретить Ци Цзю так рано и ничего не упустить?

— Я тебя спрашиваю, — Ци Цзю легонько потянул его за ресницы. Видя, что Байлан застыл истуканом, он просто расстегнул ремень безопасности кресла. — Ладно... только держись крепче.

Байлан едва успел прийти в себя, как похолодел от ужаса: Ци Цзю, не говоря ни слова, просто повалился прямо на него.

Если бы не усиленное питание последних дней и строгий режим сна, Байлан, вероятно, рухнул бы в обморок от страха. Но старания Ци Цзю не прошли даром: даже в этот миг предельного замешательства разум Байлана оставался ясным. Он точно знал, какая рука должна подхватить Ци Цзю, а какая нога — упереться в землю.

Он рухнул в снег вместе с мужчиной и услышал, как тот негромко смеется, уткнувшись ему в плечо.

— Что ты творишь?! — Байлан взорвался от тревоги. — Это же опасно! А если бы ты снова...

— Никаких «если», — Ци Цзю, довольный собой, удобно устроился на Байлане, служившем ему живым щитом от снега. — Ты же рядом.

На этот раз замолчал Байлан, сраженный этой спокойной уверенностью. Он всё еще пытался разгрести снег руками, порываясь помочь Ци Цзю подняться, но после этих слов замер.

— Не надо... не думай так, — с трудом выговорил он спустя долгое время. — ...Брат.

Он бесполезен. Он — причина того, что Ци Цзю стал таким. Он лишь несет свое наказание. Он не заслуживает ни доверия, ни прощения, ни... жалости.

Ци Цзю не должен его жалеть, он...

— Ох, как холодно, — Ци Цзю поднял замерзшую, покрасневшую руку.

Байлан: «...»

Размышления пришлось отложить. Он схватил перчатку, которую Ци Цзю так неосмотрительно снял, стряхнул с неё снег, согрел за пазухой и снова надел на руку мужчины.

Затем Байлан осторожно перевернул его, убедившись, что под спину не попал снег, и помог Ци Цзю лечь поудобнее прямо на белоснежный покров. Сам же Байлан тут же навис сверху, закрывая его от падающих снежинок.

— Кто тебя просил расстегивать ремень? — буркнул Байлан. В его голосе не было строгости, скорее — тихая обида. — Будешь так делать — больше не выведу тебя играть в снегу.

Ци Цзю, напротив, чувствовал себя превосходно. Он давно не лежал вот так расслабленно, глядя в безбрежное белое небо.

— Ого.

Давненько волчонок не позволял себе таких дерзких речей. Кто кого вывел? Е Байлан, который в жизни не играл в снежки и всерьез требовал, чтобы Ци Цзю надел гидрокостюм и шлем?

Байлан-дерзкие-речи: «...»

Он со злостью прикусил щеку изнутри, мысленно представляя, что кусает Ци Цзю:

— Не заговаривай мне зубы.

Ему нужно было знать наверняка. Врачи предупреждали, что при опухолях мозга возможны резкие перемены в характере и потеря здравого смысла. Не исключены были и... суицидальные наклонности.

Байлан не мог расслабиться ни на миг. Стоя на коленях в снегу, он склонился к Ци Цзю, касаясь своим носом его лба:

— Брат, зачем ты расстегнул ремень?

— Чтобы крепко тебя обнять.

Байлан: «...»

Ци Цзю не выдержал и рассмеялся, тут же закашлявшись от холодного ветра.

— Шучу... Просто так.

На самом деле «просто так» не было. Глядя через интерфейс Системы, он увидел, что Байлану невыносимо горько — так горько, словно этот снег вот-вот поглотит его целиком.

Ци Цзю вовсе не хотел причинять ему такую боль. Поэтому он решил научить волчонка новой игре:

— Не спеши. Давай полежим немного.

Байлан растерялся:

— Но как же так? Здесь ведь холодно, ты...

— Всё в порядке, — отрезал Ци Цзю. — Твоя одежда теплая и надежная, ни одна снежинка не проберется.

Байлан упаковал его по высшему разряду: три слоя термобелья, пуховая подстежка, водонепроницаемая куртка и сверху — огромный, невероятно толстый пуховик. Ци Цзю даже боялся представить, что было бы, узнай Байлан о существовании шуб из соболя. Если бы тот в порыве безумия напялил на него еще и соболя... это было бы чересчур.

Ци Цзю поклялся: если такое фото когда-нибудь попадет в сеть, он немедленно выйдет из системы и лично уничтожит всех свидетелей.

— ...Точно не холодно? — поколебавшись, Байлан медленно лег рядом.

Он подложил руку под шею Ци Цзю, закрывая последний просвет, куда мог бы залететь снег. Мужчина лишь прикрыл глаза.

Байлан лежал рядом, но, не получив ответа, снова погрузился в свои невеселые думы. Он долго пытался понять логику Ци Цзю, пока до него не дошло... Тот просто играет с ним. Ци Цзю не сердится, он просто недоволен тем, что его так сильно укутали, и теперь притворяется, чтобы напугать его.

Это была совершенно иная логика чувств, не знакомая Е Байлану. Осознав это, он не удержался и потянул Ци Цзю за край куртки:

— Брат.

Ци Цзю открыл глаза и лениво улыбнулся, кивнув в сторону неба. Байлан тут же перехватил его руку и придвинулся ближе.

— Зачем мы так лежим?

— Просто так. Без причины, — Ци Цзю поднял руку и взъерошил волосы волчонка, стряхивая с них снег. — Обычно так делают, чтобы... просто смотреть в небо.

Смотреть в пустоту, ни о чем не думать, созерцая серые облака. Когда мир становится таким огромным и тихим, боль начинает притупляться. Её можно спрятать, укрыть от чужих глаз и со временем забыть.

Байлан не понимал, как можно «просто смотреть», но больше не спрашивал. Он лишь прильнул к горлу Ци Цзю, прислушиваясь к звукам его голоса. Он тоже лег на спину, но небо его не интересовало — он повернулся на бок и стал не мигая смотреть на Ци Цзю.

— Давай на спор? — внезапно предложил Ци Цзю. — Кто первый заплачет.

Байлан нахмурился. Он не понимал смысла этого состязания, и сама мысль о том, что придется оторвать взгляд от лица мужчины, ему не нравилась.

— ...Заплачет?

Ци Цзю указал на солнце.

Зимнее солнце было тусклым, мертвенно-белым. Сквозь дымку облаков на него можно было смотреть не щурясь. Но если долго не мигать — слезы потекут сами собой. Потому что даже за тучами есть свет. Эти холодные, лишённые тепла лучи всё равно пробиваются сквозь снежную мглу.

— Смотри на солнце и не мигай, — сказал Ци Цзю. — Кто первый моргнет и пустит слезу — тот проиграл.

Байлану это не понравилось:

— Я хочу смотреть на тебя.

Ци Цзю: «...»

Ну, это было бы жульничеством. Он ведь не светится и не сияет.

Но то, что волчонок согласился на игру, уже было достижением. Ци Цзю не стал настаивать на правилах, лишь похлопал Байлана по спине, давая сигнал к началу.

Спустя две секунды после начала Ци Цзю «выбросило» в буферную зону.

«Быстрее», — позвал он Систему. — «Помоги сжульничать. Сделай мне подпорки для век».

Система послушно сотворила цифровые палочки, подпирая глаза Ци Цзю.

«Может, включить автопилот?»

Автопилот был самым экономным режимом: он имитировал основные жизненные процессы — дыхание, сердцебиение, даже моргание. Ци Цзю мог потерять сознание в любой момент, и Байлан уже привык к этому. Его бы не напугало, если бы Ци Цзю просто «уснул» на снегу от усталости.

Байлан просто подхватил бы его, усадил в кресло, пристегнул и отвез домой. Он уже стал отличным санитаром: он проверит, не замерз ли Ци Цзю, сварит ему согревающий отвар и будет сидеть у кровати, не сводя с него глаз. Байлан будет послушно ждать, когда он проснется.

Ци Цзю кивнул. Он уже заказал себе порцию острой лапши и готов был приступить к еде, но тут его внимание привлекло происходящее на мониторе.

«Погоди, я должен вернуться», — он сунул палочки Системе. — «Сейчас же».

Система ахнула:

«Сейчас? Но тебя только что выкинуло! Энергии всего ноль и семь десятых процента... Мы только включили автопилот!»

Ци Цзю знал это, но он должен был вернуться, чтобы завершить игру.

Система сменила режим.

Уютное пространство исчезло, и Ци Цзю снова оказался среди снегов, выскребая из своего тела последние крохи сил.

— ...Волчонок, — прошептал он. — Иди ко мне.

Байлан часто дышал. Его взгляд был совершенно потерянным; казалось, он сам напуган тем, что течет из его глаз. Он не понимал, что это.

Е Байлан не знал, зачем нужны слезы. Он согласился на игру лишь для того, чтобы не отрывать глаз от Ци Цзю. Мужчина был прав: лежать на снегу действительно становилось легче. В его видениях снег медленно засыпал его, а Ци Цзю лежал рядом.

Наверное, так и должно было быть. Тогда, в том лесу, когда Ци Цзю упал перед ним, Байлан должен был лечь рядом с ним.

Это было странное, легкое видение. У Байлана даже не болела голова. Но он и сам не знал, откуда берутся эти слезы.

— Подойди, — голос Ци Цзю звучал совсем тихо, словно эхо. — У меня нет сил...

Ци Цзю не был иллюзией. Байлан подполз к нему. Он и не подозревал, что может быть таким слабым, но Ци Цзю, казалось, вовсе не презирал его за это.

Мужчина лежал на снегу, едва приоткрыв глаза. Спустя мгновение он узнал Байлана и на его губах появилась слабая улыбка.

— Жить... это ведь хорошо? — прошептал Ци Цзю. — Если бы уснул, пропустил бы всё это.

Байлан неистово закивал. Он не мог вымолвить ни слова; слезы душили его, и он лишь крепче прижимал к себе Ци Цзю, пытаясь укрыть его от всего мира.

У Ци Цзю не осталось сил даже на то, чтобы обнять его в ответ. Когда Байлан поднял его на руки, голова мужчины бессильно откинулась назад.

Байлану потребовалось вдвое больше времени, чем обычно, чтобы просто удержать Ци Цзю и не дать ему соскользнуть. Посадить его в кресло было невозможно.

— Не надо... оставь его, — проговорил Ци Цзю. — Неси меня так. Справишься?

Байлан подхватил его. Конечно, он справится. Ци Цзю стал таким легким... Этот обманщик заставлял его тренироваться, а сам таял на глазах.

Ци Цзю прижался к его спине. Волчонок проиграл в пух и прах: слезы градом катились из его глаз, капая на руки мужчины. Ци Цзю решил, что позже обязательно потребует с него какую-нибудь компенсацию за это поражение, но не сегодня.

Сегодня он потратит последние доли процента энергии на то, чтобы не оставлять Байлана одного.

Байлан нес его домой, а Ци Цзю тихим голосом указывал дорогу плачущему волчонку, который за слезами ничего не видел. Он даже подсказал Байлану, как удобнее придерживать его, чтобы руки не затекали.

Так было правильнее.

Зубы волчонок стучали, он до боли сжимал пальцами ткань куртки Ци Цзю. Мужчина прильнул к его плечу и обнял его, насколько хватило сил.

— Поплачь, — прошептал он. — Брат рядом.

<http://bllate.org/book/16113/1588960>